

КРЫЛАТОЕ ВЫМИРАЮЩЕЕ

Естественно приходит мысль о литературной критике. Иногда мне кажется, что критик в западном мире почти полностью потерял возможность и способность выразить свою личность, то есть свои субъективные взгляды на литературный объект. Быть может, он уже находится на том уровне не-свободы, на котором был его коллега эпохи соцреализма, вынужденный всегда давать «объективную», то есть партийную, оценку литературной штуки. С очень небольшим исключением литературная критика в Америке становится как бы продолжением все того же «агрессивного маркетинга». Публику больше заботит не содержание рецензии, а место ее расположения в еженедельнике. Однажды я целый день принимал поздравления по поводу того, что рецензия на мою книгу была напечатана в левом верхнем углу одной из страниц...

Поражает почти полное отсутствие литературных полемики, столкновений между различными эстетическими направлениями. Полноте, о каких это направлениях я говорю? Их больше не существует. Странное, обескураживающее состояние ожирения и застоя. Не думаю, что американскому критику нечего сказать от первого лица, однако вся наша еженедельная практика показывает, что это «первое лицо» задавлено почти окончательно. Мы уже не ждем от критики художественной литературы ни откровений, ни скандалов.

При всех этих обстоятельствах не удивительно, что молодое поколение писателей демонстрирует такие скромные признаки жизни.

Это совсем не значит, что в США иссякли таланты. Я работаю со студентами в рамках одной из бесчисленных американских программ «творческого письма» и каждый год обнаруживаю несколько дерзких перьев, способных бросить вызов современной литературе. Вступая, однако, на профессиональную дорожку, молодые писатели входят в мир колоссального провинциализма, жестких классификаций, в довольно тошнотворный мир «книжного производства». Литературные агентства при всех их донкихотских намерениях указывают молодому писателю быстрейший путь к полному коррумпции. Забудь о своих эгоцентрических амбициях, привыкай к серьезному миру больших башлей. Какого черта ты мечтаешь побить Фолкнера, его больше нет на сцене, побей Стива Кинга! Какие еще пощечины общественному вкусу, когда твоя главная задача — угадать вкус потребителя и подставить ему свою щеку! Забудь о Плейдах, присоединяйся к гильдии.

ВПРОЧЕМ, Плейды. Они все-таки есть. Есть увенчанные наградами общества «мудрецы и поэты», горсточка «высокобровых» периодических изданий, авторы, претендующие на продолжение великой традиции. Есть университетские издательства, не очень пекущиеся об «агрессивном маркетинге». Есть остатки литературной богемы в Нью-Йорке. Есть, наконец... ну, конечно, есть же, не заглохли же все родники в этом мире, воскликнем мы с деревенским пафосом, есть все-таки еще, по всей вероятности, не могут же все вдруг в одночасье пропасть, имеются еще некие одиночки, независимые умы, свободные души, способные к отрыву от земли, то есть к вдохновению... Короче говоря, есть же все-таки альтернативный мир в обществе потребления, если уж он был даже в обществе истребления.

Да, он есть, скажу я, однако, взявшись уже за излишние желчи, не остановлюсь добавить, что и в нем, в этом мире предположительной альтернативы, мы то и дело сталкиваемся с примерами извращения личности во имя групповых, клановых, идеологических или творческих интересов.

Любопытно, что там, где мы иной раз предполагаем найти сильную и неповторимую творческую личность, мы на самом деле сталкиваемся с выражением настроений и вкусов группы тесно сомкнувшихся личностей, то есть коллектива. Такая группа вполне успешно, или в высшей степени успешно, может заниматься, скажем, мифотворчеством, чтобы не сказать — надувательством почтеннейшей публики.

Существует, к примеру, некий вполне середняковский писатель, которому когда-то повезло, как американцы говорят, оказаться «в верное время в верном месте». В этих местах, не столь отдаленных, он приобрел ореол одинокого романтика и наследника великой плеяды. В дальнейшем этот человек с удивительной для романтики расторопностью укрепляет и распространяет свой миф. Происходит это в результате почти электронного расчета других верных мест и времен, верной комбинации знакомств и дружб. Возникает коллектив, многие члены которого даже не догадываются о том, что они являются членами, однако считают своей обязанностью поддерживать миф нашего романтика.

Стереотип гениальности живуч в обществе, где редко кто, взявшись за чте-

ние монотонного опуса, нафаршированного именами древних богов, дочитывает его до конца. Со своей свеженькой темой о бренности бытия наша мифическая посредственность бодро поднимается, будто по намеченным заранее зарубкам, от одной премии к другой и наконец к высшему лауреатству, откуда ему только уже и остается, что втратить в синклит богов, то есть собственных героев. Здесь он царит, изрекает банальности типа «любите книгу—источник знаний», устраивает подголосков, пресекает скептиков, являет собой идеальный пример превращения «я» в «мы», торжества коллектива над личностью.

Коллективное сознание сегодня, увы, проявляется не только столь жалким мафиозным способом, как упомянутый выше, но и в более развернутом, едва ли не академическом виде. Рухнул на Востоке, оно в который уже раз возрождается на Западе: коммерчески—в книжных магазинах и на киностудиях, интеллектуально — в последних прибежищах свободного духа, университетских кампусах. Изыскания идеологизированных ученых подводят общество к грани нового тоталитаризма. Теории так называемых «де-элитизации» и «де-конструкции», по сути дела, утверждают низкий среднестатистический уровень искусства, активно подрывают все, что так или иначе вносит разнообразие в пейзаж. Станным образом эта академическая доктрина играет на руку халтурщикам, заполняющим книжные полки драг-сторов. Трудно не задаться вопросом: почему независимые умы, эти предположительно кораблики индивидуализма, столь охотно швартуются к железобетонному блоку стереотипа? Может быть, я не ошибусь, сказав, что мы все, члены академической и литературной общины Запада, включая и отщепенцев Востока, так или иначе были затронуты странным феноменом «левой цензуры», основанной на пресловутом принципе «политической правильности». Что касается распространившихся сейчас теорий антибестернизма, мультикультурализма, сексизма и афроцентризма, то они парадоксальным образом вызывают у меня в памяти кампанию борьбы с космополитизмом, проводившуюся сталинскими аппаратчиками в конце сороковых — начале пятидесятых годов.

Нам, старым «русским мальчишкам» с нашими так любовно взлелеянными в зоне анархических рефлексам, трудно поддаваться на все эти приманки,

ведь мы склонны не верить даже телевизионным рекламкам Макдоналда.

ГАРМОНИИ, очевидно, не будет никогда. Личность всегда будет расшибать нос в логических тупиках и с визгом бросаться за примочкой в аптеку, где и все общество стоит за примочками к носу. Абзацем выше, желая сказать «я», я произнес «мы». Кто-то из «них», то ли Маркс, то ли Ленин, сказал, что человек — это «общественное животное». Но мы не животные, сукин сын! Мы осчастливлены или обещены даром творчества. Пережив развал одного коллективного сознания, мы, битые шкуры... простите, я опять ищущую мафию... итак, я, битая шкура, с подозрением взирю на рост нового коллективного сознания. Губительно оно или пользительно? Можно ли его предотвратить и нужно ли предотвращать? Возможен ли такой парадокс, как общество индивидуальностей?

Плохие диагносты, мы прежде всего не можем определить подлинное происхождение своей сути, своего ядра, не можем угадать пропорций ангельского и демонического. Столь же поверхностны мы и как терапевты, ибо нам непосильна даже такая задача, как соотношение личности и общества, а ведь мы догадываемся, что это всего лишь один небольшой тупик из множества других, еще более мучительных. И только лишь условившись дать себе поблажку, мы можем сказать несколько более или менее определенных вещей.

Коллективное сознание может быть благотворным для большого бизнеса, политического (коммунизм) или коммерческого (книжная торговля), однако оно губительно для малого бизнеса, которое называется «творчеством». В этом скромном и уединенном деле человеку, кем бы он ни был, поэтом или владельцем бакалейной лавки, приходится апеллировать к своей сути, жаждать экстремальной индивидуалистической акции, именуемой вдохновением, взрыва личной свободы.

Трехдневная азгустовская духовная революция в России была не чем иным, как чудом массового индивидуализма, ибо каждый из многомиллионных масс в эти дни должен был принять свое личное решение, юноша ли с трехцветным флагом на баррикадах, танкист ли внутри своего бронированного чудовища, пенсионер ли в толпе, прикрывавшей собой российский парламент, то есть противостоящий почти неминуемо-

му избиению. И вот произошло немислимое соединение единоличных творческих актов в общий творческий акт, опьянение свободой.

Подобные чудеса, однако, — это исключительная историческая редкость, а в обычном поступательном движении современной суперцивилизации все чаще возникает вопрос: нужна ли кому-нибудь твоя или чья-нибудь еще творческая суть?

В суперцивилизированном, компьютеризированном, почти полностью уже классифицированном и калкулированном мире возникает новый плебс, одержимый самоудовлетворением и дешевым гедонизмом. При внешнем многообразии этот плебс, как мы видим, уже довольно хорошо организован в потребительские массы. У кошек здесь убирают когти с передних лап, собак лишают земных радостей, пегасов, похоже, осторожно обескрыливают. Еще щеголяя оперением, они уже не могут летать. Сможет ли когда-нибудь этот новый плебс загореться массовым индивидуалистическим вдохновением? Не в последнюю очередь это зависит от присутствия в мире упомянутого выше «малого писателя».

В заключение позвольте мне рассказать притчу об одном советском христианине. Будучи мальчиком в сталинские годы, он носил нателный крест. Поход в коммунальную баню или на медосмотр в военкомате всегда были для него большим испытанием. Все потешались над ним: смотрите, у мальчика крестик на шее, вот умора, богомолка какая! Некоторые кричали: а ну, сними немедленно, а то из школы вылетит! Он не снимал.

Являя собой, таким образом, пример чистейшего индивидуализма в атеистическом тоталитарном обществе, он продолжал носить на шее символ Распятия. Веруя, он не мог, хоть убей, расстаться с этим маленьким предметом отверженности и гонений.

Прошло несколько десятков лет, и однажды он оказался на модном пляже в Ялте. Там все носили крестики на шее: полупреступные новобогачи и их телохранители — «качки», рэкетеры и картежники, бывшие коммунисты и гэбэшники, разбухшие от дольства дамы и стройные проститутки-топлис... И вот наш христианин неожиданно приобрелся к ним, потому что на нем был все тот же его старый крестик, превратившийся вдруг из предмета сокровенности в атрибут моды. Что же мне делать, подумал он, ведь не снимать же мне мой крест из-за того, что они теперь все с крестами? И он его не снял, что дает каждому возможность сделать любые выводы, даже во фрейдистском вкусе.

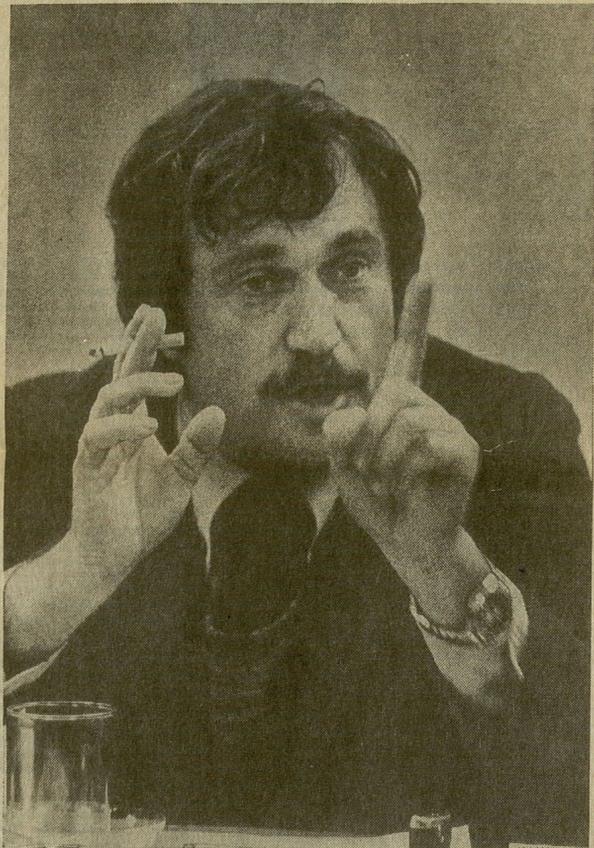

Фото Александра КАРЗАНОВА

...Над темной,
молчаливой державой
Такое одиночество парит!
Завидую тебе,
орел двуглавый —
Ты можешь
сам с собой поговорить...
Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

В ОДНУ раннюю юности я был одержим желанием не отличаться от всех. Хотелось быть простым бравым парнем без проблем, говорить на общем молодежном жаргоне, заниматься спортом, пить пиво и т. д. Ощущать себя не совсем таким, как все, было неприятно. Я научился тщательно увиливать от разговоров об арестованных родителях, не открывать своих литературных вкусов, вообще скрывать присутствие таковых.

Годам к двадцати я окончательно осознал себя парией в советском обществе. Еще чуть позже до меня дошло, что быть парией в этом обществе совсем не зазорно. Так шаг за шагом я приближался к самосознанию отщепенца и бунтаря, а само вдруг с изумлением увидел, что в обществе уже образовался стереотип отщепенцев и бунтарей.

Такова особенность современного общества — почти немедленно оно рождает стереотип из оригинальности, моду из отчужденности, касту из разрозненных анархистов. И Россия оказалась не застрахованной от этого, едва ослаб большевистский террор.

Собственно говоря, все это началось еще в первой половине XIX века, когда вместе с героями Пушкина и Лермонтова в Россию проник байронический тип. Что было первичным в этом явлении — курчича или яичко, литература или жизнь? Где вообще-то сам лорд Байрон черпал свое вдохновение? Так или иначе, явившись как пример крайнего индивидуализма, байронический тип в России настолько разномыслился, что в конце концов привел гвардию к восстанию против императора в декабре 1825 года.

О русских нередко говорят, что они являются имитаторами Запада. Может быть, это так, но в имитаторстве они часто заходят дальше предмета подражания. Раскольников мечтал подражать Наполеону, но в конце концов образовал Чеку.

В эстетике дела обстоят не менее кардинальным образом. Взять, к примеру, футуристов. Одолжив имя у отдаленного итальянского течения, русские артисты начала XX века развили мощнейший авангардный Ренессанс, из среды которого вышли по крайней мере три великих поэта — Хлебников, Маяковский, Пастернак, по крайней мере три великих художника — Кандинский, Малевич, Шагал, а также по крайней мере два великих Игоря — Стравинский и Сикорский.

Как известно, начальным стимулом этого движения была пресловутая «почечина общественному вкусу», Горьчка юной, родивших этот стимул, считала себя антиэстетом. На самом деле они, конечно, были суперэстетом и такими же крайними индивидуалистами, каким был Дон Кихот. Трагедия этих людей состояла в том, что, доведя свой индивидуализм до крайности, они стали сползать к коллективизму. Склонные к выпуску манифестов, они подспудно и коллективизм считали одной из летучих прокламаций. Прокламация, однако, оказалась весом в свинойую тонну. Ответная почечина общественного вкуса стерла футуристов с лица России.

В отличие от России в Америке в дело вступила не идеология, а коммерция. Американский футурист-бизнесмен не был гневно отвергнут и запрещен, а, напротив, продвигнут, размножен и превращен в стимул торговли.

В принципе та же самая тенденция пронизывает почти все, так сказать, творческие последие «поколения протеста». Анархический рок-н-ролл стал неотъемлемой частью электронной промышленности. Индивидуализм пионеров изобразительного искусства, преодолев барьер непонимания, тоже стал товаром для широких масс и потерял благодетельную, в художественном смысле, неуправляемость.

валю это неизбывное «мы». Критиканы ворчали: мы продолжаем искажать факты, мы показываем редкие примеры головопашества, мы разрушили наше сельское хозяйство... Даже и диссиденты, заклейменные как злейшие враги народа, продолжали рифмовать свои разоблачительный пафос со словом «мы». Мы устроили первые в мире концлагеря, мы вместе с Гитлером развязали вторую мировую войну... И даже — жарким шепотом прямо в ушную раковину: ведь это же мы расстреляли 15 тысяч польских офицеров в Катыни!

Однако позвольте, почему же «мы»? Разве это «мы» там стреляли в затылки, разве это не «они» так все это сотворили, упыри и ублюдки!

Василий АКСЕНОВ

Крылатое в имитирующее

«Что есть Я!» — так была определена тема одной из литературных дискуссий, прошедших на недавно завершившемся в Вене 57-м конгрессе международного ПЕНа. Она началась полемичным и острым выступлением Василия Аксенова, которое часто прерывалось дружным смехом переполненного зала и непривычными для деловых заседаний аплодисментами. Сразу подумалось: неужели все это останется лишь достоянием протоколов конгресса! Докладчик охотно откликнулся на просьбу расширить свою аудиторию и подготовил специально для «ЛГ» статью, основой которой явилось его выступление. Из-за недостатка места сокращения были неизбежны. Они сделаны им самим.

Аркадий ВАКСБЕРГ

Хотел бы я знать, кто первым из советских писателей стал говорить «они» в адрес коллектива стужайки и палачей? Не могу исключить, что это был я сам. Отчуждение личности советского писателя от общества шло быстрыми темпами, чтобы в конце концов достичь почти метафизического индивидуализма Солженицына. Однако были другие, более сильные, поистине метафизические примеры.

Я знал нескольких писателей, которые закаливали свои новые произведения в землю. Прошу представить себе это наглядно. Симфоническое завершение блуса, последние аккорды, замораживающие в ночь разговор с богами. Затем писатель берет металлическую коробку, часто круглую, из-под кинопленики, укладывает в нее свое гениальное детище — «нетленку», как тогда говорили, — с лопатой выходит в сад. Горят Стожары. Только соломы да светлячки становятся свидетелями захоронения. Для чего это производится? Для безопасности! Да зачем же тогда писал Шансов, однако, что потомки будут копать в нужном месте, прискорбно мало. Остаются глубоко метафизический, концептуальный аспекты акции.

«Цель творчества — самоотдача, а не шумиха, не успех», — писал Пастернак. Сам все же заснул свой роман в Италию. И он, и Солженицын, и другие бунтари-одиночки при всей мощи своего индивидуализма все-таки жаждали обществу «мессиджо», алкали «глаголом» жечь сердца людей. Писатель, закапывающий свой роман в землю почти без всякой надежды, а иногда и без желания отыскать его обратно, становится индивидуалистом высшей пробы. Ему наплевать на «сердца людей», он полностью отвергает как советское, так и западное понимание успеха. Самоотдача совершенна, цель творчества достигнута. Он отдал все, что создал, звездам, светлячкам, ночному саду. Волевым образом он освободил свое произведение от кривотолков, паршивой критики, створгов и свистков публики.

Писание и закапывание написанного — акты высшей личной свободы. Они исчерпаны отовсюду, кроме духовной истории человечества. Единственная загвоздка в этом деле — металлическая коробка из-под кинопленики. Зачем она? Для чего писателю этой коробкой так основательно задерживать включение своей «нетленки» в тленный и вечный круг оборота вещей?

Развал коммунизма привнес в жизнь любопытный парадокс. Любимый, столь

плодотворный, давший писателю его основную интонацию сарказма начал уводить, грани бунтующей личности подверглись нивелированию. К этой теме мы еще будем возвращаться по мере приближения к Западу, пока что в поле нашего зрения все еще находится неуклюжая, хоть и героическая борьба «одиночного героя» с мягкой, удушающей машиной постсталинского государства.

Вытеснение героя в эмиграцию — не важно, внутреннюю или внешнюю, — стало естественным результатом этой борьбы. Обе стороны в этой схватке ошибались. Мягкой машине казалось, что, если она выплюнет неудобогаемый кусок, ее члены перестанут заплетаться в бессмысленные узлы, что вся ее

иной, как мой среднестатистический читатель, тот самый, что приводит меня на злешный литературный Олимп! Девять и я не только покупатель в злешных местах, но и продавец. О, да, мадам, вы можете мне помочь! Я, видите ли, писатель, и вы можете купить мои книги.

Персона улыбается. Это очень интересно. Какого рода книги вы пишете, сэр! Семейные драмы? Исторические хроники! Сай-фай! Триллеры! Готические романы! Серийные убийства? Судебные драмы! Детективы!

И начинаю мямлить. Увы, ни то, ни другое, ни третье. Я, видите ли, пишу романы пейзажи, воспроизвожу некие бумажные пейзажи, сочиняю книги-острова, книги-яйца, пьесы-лягушки, пьесы-цапли, а занят поисками жанров, железками из золота, ловлей стальных птиц, с вашего разрешения, ну и прочее в этом духе.

Идеальная персона сочувственно улыбается. Понятно, понятно. Мне кажется, сэр, вам нужно пройти немного дальше вдоль рядов, в антикварный магазин.

ИЗГНАННЫЙ из советского колхоза восточноевропейец или русский на Западе попадает в колхоз иного рода. Принципиальная разница состоит в том, что первый был основан на массовой бедности, второй — на массовой богатстве. И там, и здесь предлагается выбор, только в первом случае предлагался выбор уровня нищеты, во втором — варианты массовой роскоши, ибо что же такое западное общество, если не мир массовой роскоши?

Коммунизм — это лишь один из имен тоталитаризма, и никто еще не доказал, что какой-то иной вид тоталитаризма не может быть богатым, даже роскошным и даже свободным, если признать за субъекты коммунизма. Не исключены совершенно противоязвенные доказательства. Поездка в современную Японию, например, может высветить в воображении некоторые черты будущего богатого и свободного тоталитаризма.

Необязательно, впрочем, ездить так далеко, если сосредоточить наблюдение на современном искусстве. На Западе блестяще воплотился в жизнь один из ленинских лозунгов, из тех, что всю жизнь вызвали ярость советского интеллигентно-индивидуалиста. «Искусство принадлежит массам», — говорил Ильич. Естественно, он лукавил, как лукавили коммунисты во всех своих лозунгах. Разумеется, он имел в виду управляемые массы с раз и навсегда отработанными потребностями и вкусами. Искусство, следовательно, принадлежало не самим массам, а руководящей группе этих масс, то есть партии, которая на Западе этот лозунг теряет свою уклончивость и может восприниматься почти буквально. Искусство принадлежит массам, потому что именно массы, а не рафинированные знатоки платят за него реальные деньги.

Категорическим образом, например, сместилось понятие литературного успеха. Успешными чаще всего оказываются книги с деревянными диалогами, пыльным воображением, высосанными из пальца метафорами, полным отсутствием вульгарного вкуса.

По весьма определенным причинам, а может быть, как раз в силу перечисленных выше качеств такие книги дают высокие цифры продажи, а потому их авторы на последней конференции книгоиздателей в Нью-Йорке назывались «большими писателями», тогда как те, кто продает меньше, именовали «малыми писателями».

В мире, где литературный успех определяется размерами гонораров и прибылей, серьезной продукцией большой индустрии становятся плохие книги. Именно в них вкладываются серьезные деньги. Главным моментом в работе издателя становится возможность угадать цифры продаж. Если ему кажется, что читательский спрос «идет», издатель уже прет напролом, не скупится на авансы, на рекламу, гонит книгу к выходу, забывая даже, как показал недавно журнал «Нью-Рипаблик», об элементарной редактуре.

Любопытно, что весь этот шумер неизбежно относится к уже известным «большим писателям». Иногда речь идет о совершенно неизвестных «большим писателям». Однажды я прочел, что весьма солидное издательство заплатило неизвестной писательнице полтора-миллионный аванс под заявку на роман «Промельк чулка». Здесь же излагался

ОКОНЧАНИЕ НА 12-й СТР.